

Дарт Вейдер стоял в задумчивом молчании, изо всех сил пытаясь совладать со своим нетерпением. Вокруг него продолжались празднества: имперская элита со всей галактики отмечала очередной славный год Галактической империи. Вейдер ненавидел вечеринки, ненавидел угодливость светских людей. Он старался быть как можно более отрывистым с каждым, кто осмеливался заговорить с ним, и вскоре был предоставлен самому себе, что и было его целью. Ему было гораздо комфортнее находиться на периферии, наблюдая, а не участвуя, поскольку это давало ему возможность думать, не подвергаясь постоянной бомбардировке бессмысленным бормотанием людей, которых он был вынужден терпеть.

Вейдер окинул взглядом толпу, с решительной незаинтересованностью наблюдая за экстравагантно одетыми делегатами. Он остановился, когда его взгляд остановился на королеве Набу Кайланте. В отличие от своей предшественницы, королевы Апайланы, Кайланта была верна Империи, по крайней мере внешне. Вейдер знал об изменениях, которые Кайланта внесла в демократическое правительство планеты Набу, - об изменениях, которые не могли не вызвать симпатии к зарождающемуся Альянсу повстанцев. В свое время с ней разберутся, размышлял он. Набу не была той планетой, которую он хотел бы посетить снова: сама мысль о ней навевала слишком много болезненных воспоминаний. Прошло почти пять лет со дня смерти его жены, которая когда-то была самой королевой Набу, Падме Амидалы. Его ангела.

Вейдер выкинул из головы воспоминания о ее лице и отвернулся, не поддаваясь слабости к ней. Она ушла, и ничто не может ее вернуть. Я должен жить дальше, должен оставить прошлое позади.

"Лорд Вейдер, Император просит вашего присутствия".

Вейдер взглянул на имперского подпоручика, кивнул в знак понимания и удалился со своего места, чтобы поискать хозяина.

На другом конце галактики...

"С днем рождения, Люк и Лея, с днем рождения вас!!!"

"Я загадаю желание первой", - объявила Лея. "В прошлом году ты загадала первой".

"Не было!" запротестовал Люк. "Ты сделал! Ты всегда так делаешь!"

"Нет!!! Мам, Люк опять ведет себя по-хозяйски!"

Падме Амидала обменялась взглядом с Дорме, которая лишь с улыбкой покачала головой.

"Дети, сегодня особенный день, - сказала им Падме. "Ваш день рождения. Давайте не будем портить его ссорами, хорошо? Загадайте желание одновременно, и тогда никому не придется идти вторым".

Лея посмотрела на Люка и чуть не высунула язык, но передумала. Они закрыли глаза и на мгновение сосредоточились, а затем, словно в безмолвном общении, открыли глаза и задули все пять свечей под аплодисменты собравшихся за столом людей. Вокруг них сидели их мать, ее подруга Дорме, домашние дроиды C3P0 и R2D2, а также Оби-Ван Кеноби, который был другом их отца, когда тот был еще жив.

День рождения, как и все предыдущие, прошел скромно, в уединенном доме их семьи, расположенном глубоко в лесистой местности планеты Внешнего кольца, Ханнас II. Ни Люк, ни Лея не знали ничего другого, ведь они прожили здесь всю свою жизнь, или, по крайней мере, столько, сколько могли вспомнить. Падме была благодарна за то, что младенцы не способны сохранять память, ведь воспоминания о дне их рождения были не слишком радостными. Падме редко говорила об этом дне с ними или с кем-либо еще: для нее это было слишком болезненно и напоминало обо всем, что она потеряла в тот ужасный день на планете Мустафар.

Сегодня исполнилось пять лет, думала она, глядя, как ее дети поглощают торт и мороженое. Пять лет, как я его потеряла.

Оби-Ван Кеноби тоже не раз за последние пять лет размышлял о том дне. Он испытывал чувство вины за то, что в тот день случилось с его лучшим другом и бывшим падаваном. В тот день он поклялся, что сделает все возможное, чтобы защитить детей своего дорогого друга, а также его жену от посягательств злого императора и его приспешника Вейдера.

Пять лет Падме жила в уединении с детьми Энакина, инсценировав свою смерть в день их рождения, оставив галактику оплакивать и ее, и ее нерожденного ребенка. В тот день, через несколько минут после рождения детей, она сказала Оби-Вану, что все еще верит в то, что в Энакине есть добро; Оби-Ван отказался верить. Все, что было в Энакине хорошего, умерло на Мустафаре в тот страшный день, оставив после себя лишь тьму. Он никогда не найдет эту семью, - поклялся Кеноби. Если мне придется отдать свою жизнь, чтобы защитить их.

Кеноби чувствовал себя виноватым за то, что солгал Падме о гибели Энакина, но во всех отношениях Энакин Скайуокер был мертв. Все, что было хорошего в Энакине Скайуокере, было уничтожено в огне Мустафара. Дарт Вейдер был больше машиной, чем человеком, извращенным, злым и безжалостным. Нет, - размышлял Оби-Ван. Он никогда не узнает, что они живы, пока жив я.

Падме наконец уложила близнецов спать и вышла на большую веранду за домом, чтобы полюбоваться ясным ночным небом. День рождения близнецов всегда был для нее горько-сладким: он ознаменовал начало новой жизни с ее драгоценными детьми и конец жизни с единственным мужчиной, который когда-либо пленил ее сердце, - ее Эни. Падме поклялась не позволять мучительным воспоминаниям о том дне омрачать день рождения ее детей и мужественно справлялась с этим до сих пор, когда они спали, а сияние звезд над головой напоминало ей о многих ночах, проведенных в ожидании его возвращения домой с войны. И когда он приехал... страсть, тоска, которые наконец-то могли быть исполнены, были почти невыносимы. Связь между ними была скреплена глубочайшей любовью и казалась нерушимой. Пока Палпатин не разлучил нас... - мысль о бывшем канцлере, ее некогда друге, наполняла Падме тихой яростью. После смерти мужа она жила в страхе перед разоблачением, в страхе

перед Палпатином, которого ненавидела всем своим существом. Она знала, что если он когда-нибудь найдет ее и ее детей, то все они будут уничтожены. Так же, как и их отец. Без Энакина он никогда нас не найдет.

Падме закрыла глаза, стараясь всеми силами выкинуть из головы образ лица Энакина, когда он повернулся к ней, - его прекрасное лицо, искаженное безумной яростью и ревностью. Что случилось с чистым сердцем мальчика, которого я когда-то любила? Что случилось с моей родственной душой? Как могло все пойти так плохо?

"Падме? Ты в порядке?"

Падме повернулась и увидела, что Оби-Ван стоит на месте с обеспокоенным выражением лица.

"Да", - ответила она. "Я просто думаю о... ну, ты знаешь, о чем я думаю", - сказала она и снова отвернулась.

Оби-Ван кивнул. Он не мог понять, как Падме могла думать об Энакине с меньшим негодованием, чем сейчас, после того, что он сделал с ней на Мустафаре. И все же он никогда не понимал, что их связывало; связь, которую Энакин отбросил, когда предпочел Темную сторону любимой женщине.

"Да, я знаю, - наконец ответил Оби-Ван, - прошло уже пять лет, Падме. Пора оставить прошлое позади. Энакин мертв; он умер, так и не долетев до Мустафара. Ты, конечно, понимаешь это".

Падме обернулась к Кеноби, и на ее лице промелькнул гнев. "Не надо меня опекать, Оби-Ван, - ответила она. "Я знаю, что случилось с Энакином. Не нужно мне напоминать".

С этими словами она отвернулась и ушла в дом, оставив Кеноби одного, который покачал головой, удивляясь неразумной природе женского сердца.

<http://tl.rulate.ru/book/103543/3597441>